

УДК 811.161.1

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ И ЕЁ КАТЕГОРИАЛЬНОЕ ОКРУЖЕНИЕ

В.А. Косова

Аннотация

В статье осуществлено теоретическое осмысление особенностей словообразовательной категории в ходе анализа исторических и современных представлений об этой языковой единице и её категориальном окружении – категориях языковой системы и категориях мышления. Выявлена уникальность когнитивной, семантической и формальной структур словообразовательной категории; обосновано авторское видение некоторых её свойств.

Ключевые слова: словообразовательная категория, производное слово, понятийная категория, семантическая категория, ономаσιологическая категория, грамматическая категория, лексическая категория, языковая система.

Постижение сущности изучаемого объекта невозможно без сопоставления его с известными науке однородными и смежными явлениями, поскольку это позволяет выявить его специфические, наиболее важные для изучения свойства. Целью настоящей статьи является теоретическое осмысление особенностей словообразовательной категории как одной из наиболее значимых комплексных единиц словообразовательной системы в ходе анализа исторических и современных представлений о её категориальном окружении – категориях языковой системы и категориях мыслительного (внеязыкового) содержания, соотносимых в том или ином плане с исходной единицей анализа. Методика исследования ориентирована при этом на сформулированный Ю.С. Степановым принцип противопоставления: «... нечто существует в языке лишь в той мере, в какой оно противопоставляется чему-то другому, связанному с ним, но отличному от него» [1, с. 144]. В качестве отправного положения анализа, кроме того, принимается известное требование И.А. Бодуэна де Куртенэ: «... наука не должна навязывать объекту чуждые ему категории и должна отыскивать в нём только то, что в нём живёт, обуславливая его строй и состав» [2, с. 241].

Категорией в языкознании называется в широком смысле «любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства; в строгом смысле – некоторый признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака» [3, с. 215]. Термин «словообразовательная категория» начинает последовательно использоваться для обозначения

групп производных слов с общим словообразовательным значением, получившем в данном языке регулярное формальное выражение, в работах В.В. Виноградова начала 50-х годов прошлого века (об истории вопроса подробнее см. [4]). Довольно позднее появление и закрепление этого понятия в лингвистике объясняется своеобразием системной организации словообразования, на которое указывал Н.В. Крушевский: «Все то, что известно в грамматиках под общим именем словообразования, представляет массу систем, не настолько выделяющихся в необозримой массе слов, составляющих язык, чтобы быть замеченными при поверхностном наблюдении» [5, с. 109]. В настоящее время, благодаря успехам дериватологии, факт существования категориальной формы системной организации языковых единиц, соотносимой с понятием «словообразовательная категория», переходит в разряд общепризнанных. Главным аргументом в его пользу служит наличие в словообразовательной системе языка уникальной содержательной структуры – словообразовательного значения, а также специфических средств его выражения и способов их системной организации.

Оба конституирующих признака словообразовательной категории – семантический и структурный – обладают, казалось бы, равновеликой значимостью в системном аспекте и обусловлены друг другом, однако главенствующую роль исследователи приписывают всё-таки категориальной семантике, ср.: «Словообразовательная категория, подобно ономаσιологической категории, выделяется прежде всего на основе плана содержания – обобщённого категориального значения» [6]. Для более глубокого понимания особенностей словообразовательной семантики необходимо, прежде всего, систематизировать и уточнить сформировавшиеся в науке представления о категориальных формах мыслительного (внеязыкового) содержания, базовых для словообразования или значимых для него. Это поможет прояснить природу мыслительного субстрата, лежащего в основе словообразовательной категории.

Существует целый ряд терминов, которые используются для обозначения связанных с языком категорий мыслительного содержания. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» все они представлены как эквиваленты основного термина «понятийная категория», некоторые из них отмечены хронологической ограниченностью либо являются авторскими, ср.: «Иногда П. к. <понятийные категории> называются также философскими или логическими (в рациональных грамматиках 17–19 вв.), психологическими (в работах 19 – нач. 20 вв., напр. у Г. Пауля), «онтологическими», «внеязыковыми», «когнитивными», «концептуальными», «семантическими», «мыслительными», «речемыслительными» (Кацнельсон)» [3, с. 385]. Однако далеко не все перечисленные понятия имеют тождественное содержание, и мы попытаемся уточнить специфику наиболее распространённых терминов этого ряда, кратко рассмотрев традиции их использования, под обозначенным выше углом зрения.

Сложность задачи разграничения языкового и внеязыкового содержания в полной мере осознаётся учёными уже при попытке осмысления первого систематического учения о категориях, созданного Аристотелем. Выделенные великим мыслителем основные «разряды бытия» как универсальные, наиболее общие характеристики всего сущего, то есть онтологические понятия (сущность/субстанция, количество, качество, отношение и др.), охарактеризованы, главным

образом, путём указания на языковые средства их выражения, ср., например: «Качества допускают большую или меньшую степень. Об одном белом говорят, что оно более бело или менее бело, чем другое...» [7]. По заключению Э. Бенвениста, «в той степени, в какой категории, выделенные Аристотелем, можно признать действительными для мышления, они оказываются транспозицией категорий языка. То, что можно сказать, ограничивает и организует то, что можно мыслить. <...> Таким образом, классификация этих предикатов показывает нам прежде всего структуру классов форм одного конкретного языка» [8, с. 111]. Аристотелевская модель логико-языкового параллелизма на столетия вперёд задала в развивающемся языкознании вектор «логоцентризма», определив формально-логический подход к выделяемым в языке категориям. Ярким подтверждением тому служит «Всеобщая рациональная грамматика» А. Арно и К. Лансло («Грамматика Пор-Рояля», 1660), содержание которой базируется на постулате тождества логических и языковых категорий при априорном доминировании логики над языком.

В явной форме проблема размежевания языковых и неязыковых мыслительных категорий была впервые обозначена В. фон Гумбольдтом в ходе его размышлений об универсальных категориях, которые «образуют систему, являющуюся общей основой языка, но непосредственно в строй языка не входящую». В понимании учёного, эти категории представляют собой «по большей части мыслительные формы логического происхождения» (цит. по [9, с. 12]). А.А. Потебня указывает, кроме того, на важность понятия «дух», которому в языковой теории Гумбольдта приписывается созидательная по отношению к языку роль, равно как и языку по отношению к духу, ср.: «...без языка нет духа, и наоборот – без духа нет языка» [10, с. 40]. Признавая эту связь, российский языковед отмечает вместе с тем существование неязыковых форм духа и мысли: «...прежде всего придётся устранить неразрывность (но не связь) с языком чувства и воли, которые выражаются словом <настолько>, насколько стали содержанием нашей мысли. Затем в самой мысли отметим многое, не требующее языка» [10, с. 41]. Проанализировав чувственные образы в сознании не владеющего языком ребёнка, невыразимую словом творческую мысль художника и т. п., А.А. Потебня приходит к важным обобщениям: «...область языка далеко не совпадает с областью мысли», а «формы творчества мысли в языке отличны от тех, которые назовём собственно духовными» [10, с. 41–42].

Выраженное российским языковедом видение связи языка и мышления органично влилось в формирующееся в XIX в. психологическое направление в лингвистике (Х. Штейнталь, Г. Гийом и др.), развитие которого увенчалось пересмотром логических оснований этой науки, казавшихся незыблемыми со времён Аристотеля. Важную роль в исследовании мыслительной базы языкового строя сыграло учение Г. Пауля о соотношении грамматических и психологических категорий. По утверждению лингвиста, образование языка и его употребление «осуществляется не с помощью строго логического мышления, а посредством естественного, не вышколенного движения совокупности представлений, которое в той или иной степени... руководствуется логическими законами или вовсе не считается с ними» [11, с. 57]. Исходя из этого, Г. Пауль обосновывает представление о более богатых по содержанию и менее строгих, нежели логические,

естественных категориях, базовых для языкового строя и независимых от языка, названных им психологическими: «Всякая грамматическая категория возникает на основе психологической» [11, с. 315]. Соотношение внеязыкового содержания психологических категорий и собственно языкового содержания категорий грамматических имеет, как убедительно показывает Г. Пауль на примере дихотомии «естественный пол» – «грамматический род», объяснительную силу в плане разгадки особенностей структуры и эволюции последних.

Психологический подход к анализу языкового и внеязыкового содержания прослеживается также в трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ, отделявшего языковые представления от внеязыковых как «психических эквивалентов» первых. Бодуэн де Куртенэ разработал обширный перечень «внеязыковых представлений», которые могут иметь или не иметь постоянные экспоненты в языковом мышлении: «пол животных, являющийся источником различения грамматических родов; жизнь и её отсутствие; пригодность для еды или питья; человеческая личность, в различии от всего остального; определённости и неопределённости; обладание (представления из мира общественно-экономического); количественное мышление (число, пространственные измерения, длительность); время физическое и время историческое; общественная зависимость одних людей от других и т. д.» [12, с. 185–186]. По справедливой оценке А.А. Бондарко, «здесь фактически представлен эскиз типологической концепции мыслительных категорий на базе исследования различий в их явном или «скрытом» отражении в разных языках» [13, с. 67–68].

Системный анализ внеязыкового мыслительного содержания в проекции на категории языка поднялся на новую ступень в трудах О. Есперсена. Для обозначения универсальных, применимых ко всем языкам категорий внеязыкового содержания датским лингвистом введён и обоснован термин «понятийная категория»; при этом подчёркивалась независимость таких категорий «от более или менее случайных фактов существующих языков» [14, с. 58], то есть базовый по отношению к языку характер. О. Есперсен связывает с представлением о понятийных категориях довольно широкий круг выражаемых в языках разнообразными средствами явлений, одни из которых «относятся к таким фактам внешнего мира, как пол, другие – к умственной деятельности или логике» [14, с. 58]. Выявить внеязыковое содержание, связанное с грамматической семантикой, по мысли учёного, не всегда легко: «Не раз нам придется констатировать, что грамматические категории представляют собой в лучшем случае симптомы, или тени, отбрасываемые понятийными категориями; иногда «понятие», стоящее за грамматическим явлением, оказывается таким же неуловимым, как кантовская вещь в себе» [14, с. 60].

Несколько иначе определяет природу этого явления И.И. Мещанинов: понятийная категория в его трактовке – «такое понятие, которое выступает в языковом строе и получает в нём определённое построение. Последнее находит свое выражение в определённой лексической, морфологической или синтаксической системе» [15, с. 15]. В рассуждениях учёного о сфере и средствах выражения понятийной категории, специально подчеркнувшего, что она «передаётся не через язык, а в самом языке» [15, с. 14], казалось бы, можно увидеть приписывание этой категории языкового статуса. Однако этот вывод не соответствует

утверждению самого лингвиста о том, что понятийные категории «служат тем соединяющим элементом, который связывает, в конечном итоге, языковой материал с общим строем человеческого мышления, следовательно, и с категориями логики и психологии» [15, с. 15]. Удачно, как нам представляется, трактует позицию И.И. Мещанинова по отношению к анализируемому феномену А.А. Худяков: это «релевантные для языка ментальные категории, ориентированные, с одной стороны, на логико-психологические категории, а с другой – на семантические категории языка. Представляя собой опосредованный универсальными законами мышления результат человеческого опыта, они, в свою очередь, являются основой семантических структур языка, необходимой предпосылкой функционирования языковой системы в целом» [16].

Мысль А.А. Худякова об асимметрии между понятийной и семантической сферами, понимаемой как отсутствие жёстких взаимно-однозначных отношений между ними, представляется вполне убедительной, ибо «такие отношения между ментальным субстратом и его производной, в терминах которых мы описываем понятийный и семантический уровни, невозможны в принципе» [16]. Вместе с тем неоднородность смысловой природы категорий мышления обуславливает своеобразие закономерностей объединения языковых единиц в категориальные классы на разных участках языковой системы. Признак соотношения понятийного и языкового содержания был использован Н.А. Кобриной в качестве основания для типологического разграничения понятийных категорий. К первому типу исследователем отнесены категории, представляющие собой отражение реальности в виде форм и предметов мысли. В языке им соответствуют лексические или частеречные группировки, категориальная семантика которых практически совпадает с понятийным содержанием. Понятийные категории второго типа – параметры, признаки, характеристики – служат базой для таких языковых категорий, как вид, время, залог, род и др.; однозначная соотносимость между понятийным смыслом таких категорий и языковой формой чаще всего отсутствует. Третий тип составляют релятивные (операционные) понятийные категории, отражающие действие или событие в соотношении с вовлечёнными в них предметами мысли. Такое соотношение является образным отражением реальной ситуации, превращаясь в пропозицию после выбора предиката и заполнения всех мест реляционной схемы (см. [17, с. 43–45]).

Пропозиция в изложенном понимании соотносится с синтаксическим уровнем языка, однако в современных исследованиях когнитивной направленности, развивающих идею о центральном положении пропозиции в ряду единиц хранения знания, получила широкое признание деривационная трактовка этого явления. В начале 90-х годов прошлого столетия М.Н. Янценецкая высказала предположение о том, что базой «перехода логически выявленных связей между объектами окружающего нас мира в ономазиологически упорядоченные типы отношений и соответствующие виды семной организации лексического значения» служит «представление познаваемых межпредметных связей и их компонентов через призму пропозиции как такой единицы, на основе и с помощью которой формируется смысловая структура высказывания» [18, с. 4]. Кемеровские дериватологи вводят в дальнейшем в научный обиход термин «деривационная пропозиция», имея в виду реализацию в семантике производного слова

представленной в свёрнутом виде «минимальной либо максимальной многоместной структурно-логической схемы» [19, с. 79]. В настоящее время тезис о пропозициональной основе словообразования вошёл в число базовых положений дериватологии (см. работы Е.С. Кубряковой, Т.И. Вендиной, Д. Митева, О.Ю. Крючковой и др.); на конкретном языковом материале доказана такая особенность производного слова, как «зафиксированная в нём пропозиция, сама его организация вокруг определённой пропозиции» [20, с. 82]. Итак, с представлением о внеязыковом мыслительном корреляте словообразовательной категории может быть соотнесена понятийная категория релятивного типа, выступающая в форме деривационной пропозиции.

В когнитивистике понятийные категории рассматриваются как разновидность более широко трактуемых когнитивных категорий, ср. определение последних, данное Л.М. Васильевым: «...это, по существу, традиционные логические, психологические, социологические и биологические категории в современном их истолковании <...> это категории мыслительного содержания, конструкты нашего сознания, моделирующие наши знания о мире и соотносящие их с моделями знаний, зафиксированных в структуре языка» [21]. Известно утверждение Н.Н. Болдырева о существовании в языке трёх систем языковой категоризации: лексической, грамматической и модусной. Лексические категории в рамках этой концепции противопоставлены по форме осмысления мира в языке грамматическим: они определяются как аналоговые по отношению к окружающему миру, т. е. имеющие логическую по своей природе структуру и отражающие энциклопедические (неязыковые) знания о мире; напротив, грамматические категории «отражают онтологию языка и являются для него естественными категориями, т. е. категориями естественных объектов» [22]. Самостоятельная позиция словообразовательной категории в ряду языковых категорий, рассмотренных в когнитивном аспекте, получила обоснование в работах Е.С. Кубряковой, неоднократно указывавшей на кардинальное отличие производного слова от других языковых единиц. Речь идёт о свойстве двойной референции производного слова, которое «может отсылать и к знаниям о мире, и к знаниям о языке и другим словам этого языка» [20, с. 79]. Действительно, словообразование референциально неоднородно: с одной стороны, производное слово может отражать естественные связи материальных объектов, называя, например, мясо животного (телятина, баранина) или группы деревьев, кустарников (орешник, ольховник). С другой стороны, многие словообразовательные типы формализуют связи предельно широких понятий и ориентированы на передачу абстрактных значений, близких к грамматическим (опредмеченное действие или признак и т. п.).

Размышляя над обозначенной особенностью словообразования, Е.С. Кубрякова приходит к выводу о нетождественности функций словообразовательных категорий в процессах концептуализации и категоризации мира, поскольку создание производных слов направлено на систематизацию разных аспектов человеческого опыта. Этот критерий лёг в основу разработанной учёным когнитивной типологии словообразовательных категорий. Конкретно-чувственный, сенсомоторный опыт запечатлён, по мысли Е.С. Кубряковой, в «отражательных категориях», которым «можно найти соответствия в мире вещей, в предметном

мире, в мире онтологическом» [23, с. 11]. Категории второго типа исследователь называет по-разному: «номинальными», «концептуальными», «абстрактными», указывая на то, что «у них нет прямых соответствий в окружающей нас действительности – они выделены человеческим разумом, но суть их закрепляется в языке только благодаря операциям со знаками. ...Обозначаемым предметом является здесь исключительно предмет мысли, концептуальная структура, собранная и представленная как нечто целостное именно разумом, в виде своеобразного конструкта» [23, с. 11]. На фиксирование в производном слове мнения и оценки мира как особых структур знания ориентированы категории «оценочные», или «экспрессивно-эмоциональные» [23, с. 12]. Итак, напрашивается вывод о необычайной широте, всеохватности содержательной сферы словообразовательных категорий, представленной в производных словах как в виде онтологической (логико-аксиологической) по отношению к объективному миру информации, так и в форме мыслительных конструктов, созданных путём оперирования языковыми знаками.

Е.С. Кубрякова связывает эту особенность со сложностью («принципиальной тернарностью») концептуальной структуры словообразовательных категорий, что объясняется, в свою очередь, сложностью пропозиции, объективируемой в производных словах. Производное слово, по мысли учёного, представляет словообразовательную категорию «по ее связи с определённой грамматической категорией/категориями, которые, с одной стороны, отражают концепт источника деривации, а с другой – концепт (части речи) созданного слова, а также когнитивную связку (*cognitive link*) между указанными концептами» [23, с. 8–9]. Указывая на единую содержательную (понятийную) платформу словообразовательных и грамматических категорий (ср.: «<словообразовательные категории> выявляют самые «высокие», обязательные для построения грамматических категорий концепты»), Е.С. Кубрякова подчёркивает специфичность первых, поскольку они демонстрируют реальные возможности комбинаторики концептов внутри отдельных разрядов дериватов, – «те аранжировки, которые встречаются в изучаемом конкретном языке» [23, с. 9]. Значения именно этих категорий языка, в совокупности с грамматическими, наиболее релевантны для исследования языковой картины мира, поскольку они задают «ту сетку координат, в рамках которой осуществлялось и осуществляется виденье мира, его осмысление, понимание разных типов взаимодействия человека с окружающей его средой» [23, с. 6]. Свойство «семантической прозрачности» особенно характерно для «прототипических словообразовательных категорий, члены которых маркированы специальными аффиксами, каждый из которых выражает либо отдельно взятый концепт, либо некую их совокупность» [23, с. 6].

По убеждению Е.С. Кубряковой, «именно корреляции формы и содержания в каждой модели производного слова обладают когнитивной значимостью» [20, с. 79]. Корреляции такого рода фиксируются рамками словообразовательных типов и объединяющих эти типы на семантической основе словообразовательных категорий: «структуры знания одного порядка формируют не только словообразовательные ряды, но и соответствующие им категории, или ментальные пространства нашего лексикона, откуда они затем извлекаются по мере необходимости в актах речи <...> маркированность категории особой словооб-

разовательной приметой облегчает доступ к ней как в момент порождения речи, так и в момент её восприятия: с упорядоченной информацией мозг человека справляется гораздо проще, чем с неупорядоченной» [20, с. 82]. О.Ю. Крючкова в этой связи постулирует тождество между отражёнными в словообразовательной семантике когнитивными категориями и словообразовательными категориями данного языка: «Имена словообразовательных категорий являются одновременно и именами когнитивных категорий» [24]. Результаты когнитивных исследований в сфере словообразования подтверждают, таким образом, выводы когнитологов более общего характера о том, что «единственной адекватной перспективой изучения когнитивной деятельности человека является признание языкового значения базовой концептуальной структурой, а следовательно, и того факта, что механизм естественного формирования ментальных моделей обусловлен непосредственным оперированием языковыми значениями, а не наоборот» [25, с. 56].

Резюмируем сказанное о связи категорий внеязыкового мыслительного содержания и словообразовательных категорий. Вывод об универсальности мыслительного содержания словообразовательных категорий равносителен заключению об отсутствии у них специфической понятийной зоны: эти категории являются способом языковой репрезентации обобщённых (в большей или меньшей степени) понятийных смыслов, которые могут передаваться в данном языке также грамматическими и лексическими средствами. Специфична сама форма представления мыслительного содержания в производном слове: это всегда сочетание, комбинация двух (реже – трёх и более) пропозиционально связанных цептов.

Существование в языке разноуровневых и разноструктурных средств выражения одних и тех же понятийных смыслов носит характер функционально-семантической взаимозависимости, то есть является системно обусловленным. Необходимость установления спецификации и координации этих средств потребовала от лингвистов введения в научный обиход термина «семантическая категория», которым обозначаются «абстрактные знаки языка, пронизывающие и организующие весь его строй: все лексические, словообразовательные и грамматические значения, все синтаксические построения, все семантические классы языковых единиц и функционально-семантические поля» [21]. Отличие семантических категорий от понятийных, по мнению Л.М. Васильева, состоит в том, что они «тесно связаны со сферой коннотаций, т. е. дополнительным смысловым содержанием, соотношенным с образным мышлением, и со сферой структурных значимостей и функций, т. е. с различными типами сугубо языкового знания» [26, с. 19]. Методика вычленения семантических (в версии автора – «смысловых») и понятийных категорий, а следовательно, операционного их разграничения, изложена в классической статье о морфологической категории М. Докулила. Вывод учёного о том, что чисто смысловые категории абстрагируют смысловой элемент лексических, словообразовательных, грамматических или смешанных категорий данного языка и, следовательно, имеют обобщённое значение этих категорий, сделан на семасиологической основе (анализ от формы к содержанию). Понятийные категории, напротив, «являются внеязыковым обобщённым содержанием сознания и... с точки зрения методологии анализа

определённого языка представляют собой априорные (хотя и полученные на эмпирической основе при изучении других языков) содержательные категории, выражение которых мы ищем в исследуемом языке» [27, с. 9]. Следовательно, понятийные категории устанавливаются в результате сопоставления языков чисто логическим путём (по аналогии) и подвергаются далее исследованию на ономаσιологической основе – от содержания к форме.

Осмысливая сказанное о соотношении понятийных, когнитивных и семантических категорий, подчеркнём: понятийные категории представляют собой ориентированную на языковую форму разновидность когнитивных категорий; они выявляются в естественных языках, но не принадлежат к собственно языковым, будучи мыслительным фундаментом последних, пограничной зоной между языком и собственно ментальными (логико-психологическими) категориями. Понятийные категории универсальны, вненациональны; организующие их смыслы могут получить системное выражение в данном языке или не получить и в случае коммуникативной необходимости выражаются описательно. Семантические категории – это наиболее общие системно-языковые репрезентации понятийных категорий в конкретном языке, обладающие национальной спецификой. Некоторые лингвисты, тем не менее, используют термины «понятийная категория» и «семантическая категория» недифференцированно. Так, в трудах А.В. Бондарко, посвящённых «языковой категоризации семантического содержания», семантические категории рассматриваются как «единицы и элементы, выделяемые в системе мыслительного (смыслового) содержания, которое может быть выражено различными средствами одного и того же языка и разных языков» [13, с. 135]. В монографии «Теория значения в системе функциональной грамматики» (2002) представлены пояснения автора по поводу терминологии, которые отражают эволюцию его представлений о сущности анализируемого явления: если «в книге 1978 г. речь идёт преимущественно о категориях понятийных», в дальнейших исследованиях – о «семантических (понятийных) категориях», то сейчас предпочтение отдаётся термину «семантическая категория» [13, с. 138], как однозначно отражающему лингвистическую сущность называемого.

В настоящее время существует два основных направления разработки теории семантических категорий, в рамках которых осмысливаются формы системной организации словообразовательных единиц. Первое направление, разрабатываемое школой А.В. Бондарко в системе функциональной грамматики, предполагает анализ семантических категорий в их языковом воплощении на основе теории поля при описании определённого языка. Отмечается, что «семантические категории выступают как содержательная основа интеграции и функционального взаимодействия различных средств их выражения, образующих в данном языке особого рода единства (ср. используемое нами понятие функционально-семантического поля), причём основным предметом исследования становится взаимодействие элементов разных уровней языка» [13, с. 136]. Ядро семантической категории образуют конституирующие грамматическую категорию собственно грамматические категориальные значения, выражение которых единицами морфологического и синтаксического уровней является обязательным в системно-языковом и речевом аспектах [13, с. 239].

Словообразовательные значения, рассматриваемые А.В. Бондарко, наряду с грамматическими и лексическими, как результат языковой интерпретации семантических категорий, включаются учёным в класс лексико-грамматических явлений. Средствам выражения этих значений отведено место в периферийной сфере «грамматически релевантных значений», сфере «лексики на службе грамматики» [13, с. 137]. В задачи настоящей статьи не входит обсуждение вопроса о разграничении грамматики и словообразования, а также о соотношении соответствующих категорий и реальном взаимодействии этих единиц в языке (эта проблематика очень существенна и нуждается в специальном рассмотрении). Укажем лишь на то, что в русском языке словообразовательные значения различаются по степени грамматической релевантности: грамматически ориентированным, грамматикализированным значениям противопоставлены более конкретные, близкие по этому признаку к лексическим словообразовательные значения. В силу этого в поле зрения исследователя-грамматиста попадает лишь определённый круг словообразовательных категорий, связанных, например, с выражением видовой семантики глагола (так называемые способы глагольного действия). Системные свойства подобных группировок производных слов определяются в таких исследованиях в ракурсе их связи с соответствующей грамматической категорией, чего недостаточно для установления и анализа собственно словообразовательных категорий языка. Эта задача требует иного подхода.

Производные слова как носители деривационных значений разного уровня обобщения участвуют в семантической категоризации мира в связи с выполнением своей главной функции – номинативно-репрезентативной – и рассматриваются в этом качестве в кругу прочих средств функциональной реализации семантических категорий номинативного характера. Грамматический фактор при таком подходе теряет центральную системообразующую позицию.

Изучение номинативной семантики и организующих её категориальных объединений входит в область задач теории номинации – весьма продуктивно развивающегося со второй половины XX в. направления языкознания. Между тем уже за столетие до этого известный представитель Казанской лингвистической школы Н.В. Крушевский рассматривал «область называемого» в языке в качестве базовой сферы языковой категоризации, ср.: «...Область называемого, мир понятий представляют известное число общих категорий, как предмет, его признак, его действие и пр.» [5, с. 108]. В монографии Е.С. Кубряковой «Части речи в ономаσιологическом освещении» изложены доказательства того, что именно эти общие категории (предметности, признаковости, процессуальности) легли в основу формирующихся частей речи, поскольку «были близки самой «физике мира» и совпадали с категориями натуральной логики познания мира <...> адекватно отражали природу вещей» [28, с. 26–27]. Классы языковых единиц, объединённых общностью номинативной функции, названы одним из основоположников теории номинации М. Докулилом ономаσιологическими категориями. Понятие ономаσιологической категории, по его утверждению, призвано помочь в поисках ответа на вопрос, «как наше мышление расчленяет различные понятия, чтобы выразить их категориальными средствами языка» [29, с. 200]. Понятийные категории при таком подходе рассматривают как исходную рамку

категорий ономаσιологических, определяющую разграничение всех языковых номинативных знаков, начиная с частеречного уровня.

Перспективность ономаσιологического направления, сформировавшегося в исследованиях пражских дериватологов полвека назад, несомненна, однако в одной из недавних публикаций болгарский лингвист Д. Митев с сожалением отмечает: «Такой основной элемент парадигмы когнитивно ориентированного научного знания, как ономаσιологические категории, все ещё не стал в должной мере предметом систематических описаний» [30]. Очевидно, что в первую очередь в глубоком и детальном анализе нуждаются (суб)категории, представляющие собой гомогенные по характеру основных единиц системно организованные формы реализации ономаσιологических категорий. В зависимости от характера, средств и способа выражения категориального номинативного значения – формального или лексического, обязательного для данного класса слов или необязательного – различают субкатегории грамматического, словообразовательного или лексического характера. Кроме того, некоторые исследователи выделяют также категории смешанного типа. Так, М. Докулил, излагая представление о категориях номинативной системы, противопоставленных грамматическим по признаку необязательности категориального значения, охарактеризовал, наряду с лексическими (лексико-семантическими) и словообразовательными, смешанные – лексико-словообразовательные категории. Учёный считает возможным говорить о лексической категории в том случае, «когда обобщённое, но неформализованное значение – независимо от низкого или высокого уровня абстракции – базируется лишь на лексико-семантических признаках ряда слов»; у словообразовательной категории «определённые обобщённые структуры выражаются средствами морфологическими, прежде всего словообразовательными аффиксами»; оба типа необходимо отличать от смешанных лексико-словообразовательных категорий, «включающих в себя ряды слов, в которых категориальный семантический признак хотя и основывается на словообразовательной форме слов, но охватывает и слова без соответствующей словообразовательной структуры» [27, с. 9].

Рассмотрим эти категории сквозь призму проблемы системно-языкового статуса словообразовательной категории. Главным фактором, лежащим в основе объединения единиц словаря в лексические (лексико-семантические) категории, является соотносённость их семантики с миром реалий и системой понятий. Единицы словарного состава языка функционируют, в первую очередь, как номинативные знаки, что предопределяет их непосредственную обращённость к внеязыковой действительности. В связи с этим в формировании системных связей между единицами словаря «главную роль играют отношения между явлениями самой действительности, соответствующим образом «преломлённые» в языке» [31, с. 7]. Системность в этой области, таким образом, оказывается отражением, семантической проекцией системных связей предметов и явлений внешнего мира. В соответствии с классифицирующим характером категориального признака категории этого типа называют классифицирующими; к ним причисляют, например, такие классы, как «названия живых существ», «названия профессий», «названия государств» и т. п. [3, с. 216]. Отметим, что термин «лексическая категория» чаще всего встречается в когнитивных исследованиях;

в структурно-функциональном ракурсе ввиду неоднородности лексических классов слов используют их уточняющие названия: семантическое поле, тематическая группа и др. Основным для лексической системы типом классов слов принято считать лексико-семантические группы, которые объединяют слова с общей категориально-лексической семой, уточняемой в каждом отдельном слове с помощью дифференциальных сем [31, с. 75]. Не подлежит сомнению тот факт, что во все названные лексические группировки производные слова входят наравне с непроизводными.

Платформой семантической идентификации разноструктурных (производных и непроизводных) слов является общность основной функции лексических единиц – номинативной, поэтому М. Докулил характеризует семантическую структуру слова в терминах ономазиологии: «Явление, которое должно быть названо, всегда включается в определённый понятийный класс... а затем в рамках этого класса оно определяется некоторым признаком; понятийный класс входит в ономазиологическую структуру понятия как определяемое (ономазиологический базис), а признак как определяющее (ономазиологический признак)» [29, с. 196]. Если в непроизводных словах ономазиологический базис и ономазиологический признак выражаются нерасчленённо, имплицитно, то в производных словах, созданных по модели, бинарной семантической структуре соответствует расчленённость формальной структуры, представляющей собой двуединство производящей основы и форманта: «формальное выражение с помощью лингвистических единиц находят и базис, и признак по отдельности» [28, с. 59]. В этом случае конструктивная функция словообразования, проявляющаяся в пополнении и изменении состава языка, обуславливает другую специфическую функцию – интегративную, или классифицирующую (термины Т.Ф. Ефремовой, см. [32, с. 615]), которая обнаруживается в распределении слов по соответствующим словообразовательному значению разрядам, типам, категориям.

Как утверждает Е.С. Кубрякова, содержательная специфика словообразовательных значений связана со способностью производного слова к одновременному отражению семантических признаков исходного и результативного класса слов: они «начинаются на уровне соположения по крайней мере двух общекатегориальных значений, на уровне установления связи между ними» [28, с. 78]. «Подлинный смысл словообразовательной категории», резюмирует учёный, заключается в том, чтобы «выразить достаточно регулярным способом наиболее типичные связи между двумя субстанциями, между субстанцией и действием и т. п.» [28, с. 78].

Сложности плана содержания словообразовательной категории соответствует неоднородность плана её выражения. Иерархическую вертикаль формируют разноструктурные языковые единицы, которые можно квалифицировать как элементарные, базовые и комплексные компоненты словообразовательной категории. К числу элементарных единиц относятся производящая (мотивирующая) основа и формант. Роль формантов в современном русском языке выполняют, главным образом, многочисленные словообразующие морфемы; по данным «Толкового словаря словообразовательных единиц русского языка» Т.Ф. Ефремовой, таких словообразовательных единиц насчитывается около 1900 (см. [32]). Кроме того, формантами дериватологи считают также единое

главное ударение и закреплённый порядок компонентов сложений и сращений, различия в фонемном составе основ и в синтаксической позиции мотивирующих и мотивированных слов и др. [33, с. 27].

К базовым единицам словообразования (по другой типологии, простым (см. [19, с. 17])) традиционно относят только производное (мотивированное) слово. На наш взгляд, это отражает односторонний – ретроспективный – подход к анализу языковых фактов, осуществляемый без учёта деятельностной природы словообразования, исследованию которой посвящена, в частности, известная монография Е.А. Земской (см. [34]). Более того, производное слово проявляет свою деривационную природу лишь в связи с существованием в языке соответствующего производящего, которое также должно быть признано по названным причинам базовой единицей словообразовательной категории.

Словообразовательный тип как наиболее сложно организованный компонент словообразовательной категории – комплексная единица, традиционно определяемая как совокупность структурно единообразных производных с общим словообразовательным значением (иначе говоря, это совокупность производных слов, образованных по одной модели). Е.А. Земская предлагает объединять в один словообразовательный тип производные, выражающие одно и то же словообразовательное значение, «вне зависимости от того, соотносятся ли они с базовыми основами одной или разных частей речи» [34, с. 39]. Здесь важен сам факт включения в дефиницию словообразовательного типа понятия «базовая основа»: словообразовательный тип формируется, следовательно, не производными словами, а однородными в плане обобщённой семантики и формы словообразовательными парами (ср. сходный взгляд на эту проблему Ю.С. Степанова: «Словообразовательная модель – не что иное, как цепочка оппозиций, пропорция, представленная в более или менее длинном ряде слов» [1, с. 152]).

Таким образом, каждое производное слово в составе определённой словообразовательной категории облигаторно содержит в себе указание на производящее, демонстрируя коррелятивную связь с этим словом как на семантическом, так и на структурном уровне. Соотнесённость производной и производящей единиц реализуется на основе оппозиции особого рода: эта оппозиция носит характер взаимообусловленности, в ней отсутствует признак внеположенности, характерный для элементов грамматической категории. По нашему убеждению, наличие обязательной коррелятивной связи между базовыми компонентами словообразовательной категории (производным и производящим словами) не позволяет относить эту единицу, вопреки распространённому представлению, к числу категорий классифицирующих (см. [3, с. 216]). Однозначно определить тип словообразовательной категории с точки зрения отношения к классам разбиения нелегко ввиду динамического, синхронно-диахронного характера словообразования, его двойственной природы: словообразовательная система в неизмеримо большей степени, чем какой-либо другой участок языка, строится как на отношениях производства (образование слов), так и на отношениях воспроизводства (функционирование «готовых» слов).

Связь между базовыми единицами словообразовательной категории (производным и производящим словами), на наш взгляд, носит характер антиномии, то есть может быть интерпретирована как диалектическое единство взаимообу-

словенных и взаимоисключающих признаков: лексического и грамматического, типового и единичного, статического и динамического, потенциального и реального, целого и его части, синтеза и анализа. С этим связана и двоякая квалификация словообразовательной категории по способу представления категориального признака. Если её тип устанавливается путём словообразовательного анализа производного слова (ретроспективный подход, от производного – к производящему), словообразовательная категория должна быть отнесена к числу языковых категорий последовательно-коррелятивного (последовательно-соотносительного) типа, по аналогии с грамматической типологией А.В. Бондарко (см. [13, с. 207–222]), поскольку каждому производному слову в её составе может быть поставлено в соответствие производящее с типовой для данной категории семантикой. В перспективном ракурсе, предполагающем словообразовательный синтез, то есть моделирование производных слов на базе определённого класса производящих, словообразовательная категория может быть охарактеризована как потенциально-соотносительная. Это определяется невозможностью жёстко очертить круг базовых для каждой конкретной категории производящих единиц: создание производных слов регулируется коммуникативно-прагматическими факторами; их производство может сдерживаться также формальными причинами, что способно порождать так называемые словообразовательные тупики. Более того, хотя вся совокупность производных слов данного языка возникла благодаря непрекращающемуся и в некоторые периоды его развития даже масштабному процессу словообразовательного синтеза на базе существующих в языке моделей, закономерности этого процесса, согласно результатам исследований И.Г. Милославского, относятся к разряду наиболее труднодостижимых.

Параметры мотивирующего класса слов в составе каждой словообразовательной категории устанавливаются в потенциальном регистре, иногда лишь на уровне частеречных, грамматических или лексико-грамматических характеристик; возможность указать с большей или меньшей определённой семантические границы этого класса (например, какая-либо тематическая или лексико-семантическая группа) существует далеко не всегда, особенно при мутационном словообразовании. Более прозрачной структурной организацией обладает класс производных слов одной категории. Довольно легко установить, какие словообразовательные модели участвовали в её формировании и, соответственно, какие словообразовательные типы входят в её состав, есть ли среди этих типов маркированные специальной формальной пометой, то есть прототипические. Это позволит выявить фокусы в структуре словообразовательных категорий, то есть «организацию разных категорий с их равнением на один или же несколько прототипов (образцов)» [23, с. 10], а также определить, однофокусной или же многофокусной является та или иная категория.

Очевидно, что своеобразие структурной организации словообразовательной категории определяет наличие у неё, как и у категории грамматической, специфической языковой формы. И поскольку в основе выделения лексической категории лежит семантический признак, эта единица имеет принципиально иной план выражения, поэтому вряд ли допустимо, вслед за М. Докулилом, приписывать категориальный статус смешанным в плане производности/непроизводности лексическим группировкам. Правильнее, на наш взгляд, расценивать это явление

как неоднородную (средствами лексики и словообразования) реализацию соответствующей ономаσιологической категории.

Резюмируем сказанное о словообразовательной категории. Анализ концепций и теорий о связи категорий мышления с категориями языка в их эволюционном становлении высветил специфичность передаваемого производным словом мыслительного содержания в плане формы его представления: это комбинация двух и более пропозиционально связанных концептов логической или аксиологической природы.

Рассмотренные языковые особенности словообразовательной категории позволяют констатировать самостоятельность и уникальность её содержательных и формальных структур, что подтверждает категориальный статус этой единицы, а значит, и возможность отграничения от других категорий языковой системы, в первую очередь лексической (лексико-семантической) и грамматической. Установлено, что базовыми, равновеликими по значимости компонентами словообразовательной категории являются производное и производящее слова, поскольку образованная ими оппозиция эксплицирует словообразовательную модель. Взаимосвязь и противопоставление в рамках этой модели производного и производящего слов отражает системно-языковое единство грамматики и лексики на качественно новой основе: это своего рода симбиоз лексического (словесная форма, номинативная функция) и грамматического (расчленённая структура производного, моделируемость, пропозициональная обусловленность).

Синкретичная природа словообразования обуславливает возможность двойственной квалификации словообразовательной категории по характеру категоризирующего признака. Обладая свойствами как последовательной коррелятивности базовых единиц, так и потенциальной коррелятивности, выявляющимися при ретроспективном и перспективном подходах к её анализу соответственно, словообразовательная категория обнаруживает сложность и неопределённость – те качества языковых единиц, которым Н.В. Крушевский придавал «громдное значение», видя в них необходимую для развития языка неустойчивость и способность к изменению (см. [5, с. 13]).

Summary

V.A. Kosova. Word-Formation Category and Its Categorical Environment.

In this article, a theoretical interpretation of the peculiarities of a word-formation category is realized in the course of analysis of the historical and modern ideas about this language unit and its categorial environment, i.e. the categories of a language system and the categories of thinking. The uniqueness of the cognitive, semantic and formal structures of a word-formation category is ascertained; the author's vision of some of its characteristics is proved.

Key words: word-formation category, derivative word, conceptual category, semantic category, onomasiological category, grammatical category, lexical category, language system.

Литература

1. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. – М.: Просвещение, 1975. – 271 с.
2. Бодуэн де Куртенэ И.А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I. – М., 1960. – С. 226–246.

3. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
4. Косова В.А. Словообразовательная категория: формирование понятия и основные направления исследования // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2010. – Т. 152, кн. 6. – С. 199–212.
5. Крушевский Н.В. Очерк науки о языке. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1883. – 148 с.
6. Митев Д. К выработке модели сопоставительной характеристики словообразовательных систем болгарского и русского языков // Аспекты контрастивного описания русского и болгарского языков. – Шумен, 2006. – С. 94–139. – URL: <http://www.russian.slavica.org/article4074.html>, свободный.
7. Аристотель. Категории. – URL: <http://www.lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/kategorii.txt>, свободный.
8. Бенвенист Э. Категории мысли и категории языка // Бенвенист Э. Общая лингвистика. – Благовещенск: БГК им. Бодуэна де Куртенэ, 1998. – С. 104–114.
9. Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. – Л.: Наука, 1986. – 297 с.
10. Потемня А.А. Мысль и язык. – М.: Лабиринт, 2007. – 256 с.
11. Пауль Г. Принципы истории языка. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – 500 с.
12. Бодуэн де Куртенэ И.А. Заметки на полях сочинения В.В. Радлова // Избр. тр. по общему языкознанию: в 2 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 2. – С. 175–186. – URL: <http://kls.ksu.ru/boduen/bibbod.php?id=14&num=22000000>, свободный.
13. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. – М.: Языки славян. культуры, 2002. – 736 с.
14. Есперсен О. Философия грамматики. – М.: Изд-во иностр. лит., 1958. – 404 с.
15. Мещанинов И.И. Понятийные категории в языке // Труды Воен. ин-та иностр. языков. – М., 1945. – Вып. I. – С. 5–15.
16. Худяков А.А. Понятийные категории как объект лингвистического исследования // Аспекты лингвистических и методических исследований: сб. науч. тр. – Архангельск: ПГУ им. М.В. Ломоносова, 1999. – URL: professor-hudyakov.ru/pdf/1999-notional.pdf, свободный.
17. Кобринина Н.А. Понятийные категории и их реализация в языке // Понятийные категории и их языковые реализации: Межвуз. сб. науч. тр. – Л.: Изд-во ЛГПИ, 1989. – С. 40–50.
18. Семантические вопросы словообразования: Производящее слово / Под ред. М.Н. Яценецкой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. – 271 с.
19. Араева Л.А. Словообразовательный тип. – М.: Либроком, 2009. – 272 с.
20. Кубрякова Е.С. О когнитивном подходе к производному слову // Славистика: синхрония и диахрония: Сб. науч. ст. к 70-летию И.С. Улукханова. – М.: Азбуковник, 2006. – С. 77–83.
21. Васильев Л.М. Семантические, грамматические и когнитивные категории языка // Языковая семантика и образ мира: Материалы Междунар. науч. конф., г. Казань, 7–10 окт. 1997 г.: в 2 т. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1998. – Т. 1. – С. 3–4. – URL: http://www.ksu.ru/science/news/lingv_97/n1.htm, свободный.
22. Болдырев Н.Н. Категории как форма репрезентации знаний в языке // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С. 16–39. – URL: <http://boldyrev.ralk.info/dir/material/167.pdf>, свободный.
23. Кубрякова Е.С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Изв. РАН. Сер. лит. и языка. – 2006. – Т. 65, № 2. – С. 3–13.

24. *Крючкова О.Ю.* Деривационные подсистемы как носители концептуальной информации // Доклады II Междунар. конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность», Москва, МГУ, 18–21 марта 2004 г. Секция «Словообразование русского языка». – URL: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/abstracts/?id=12&type=doc>, свободный.
25. *Салмина Л.М.* Языковая семантика и когнитивная деятельность // Языковая семантика и образ мира: материалы Междунар. науч. конф., г. Казань, 20–22 мая 2008 г.: в 2 ч. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – Ч. 1. – С. 55–57.
26. *Васильев Л.М.* Современная лингвистическая семантика. – М.: Высш. шк., 1990. – 176 с.
27. *Докулил М.* К вопросу о морфологической категории // Вопр. языкознания. – 1967. – № 6. – С. 3–16.
28. *Кубрякова Е.С.* Части речи в ономаσιологическом освещении. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 115 с.
29. *Dokulil M.* Tvoření slov v češtině. Teorie odvozování slov, I. – Praha: Academia, 1962. – 263 s.
30. *Митев Д.* К вопросу о сущности категории возраста и специфике её внутренней организации (на материале русского языка) // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. – Шумен, 2003. – URL: <http://www.russian.slavica.org/article911.html>, свободный.
31. *Кузнецова Э.В.* Лексикология русского языка. – М.: Высш. шк., 1989. – 216 с.
32. *Ефремова Т.Ф.* Место словообразования в системе науки о русском языке // Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. – М.: АСТ; Астрель, 2005. – С. 614–619.
33. *Улуханов И.С.* Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 232 с.
34. *Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. – М.: Наука, 1992. – 221 с.

Поступила в редакцию
09.06.11

Косова Вера Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики преподавания Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: vera_kosova@mail.ru